

УДК 393.37+903.53

DOI 10.22162/2500-1523-2018-15-108-123

**Возраст и статус женщины в кочевом обществе:
этноархеологический экскурс***
**Age and Status of the Woman in Nomadic Society:
an Ethno-Archaeological Insight**

М. А. Очир-Горяева (M. Ochir-Goryaeva)¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: mariaochir@gmail.com
Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: mariaochir@gmail.com

Аннотация. Согласно археологическим данным, социальный статус женщин в скифском обществе был ниже, чем у мужчин. Вывод о подчиненном положении женщины в скифском обществе, тем не менее, не может быть признан окончательным в связи с наличием противоречащих этому фактов из некоторых женских погребений. Среди них имеются равные престижным мужским курганным погребениям по следующим критериям: они были основными в кургане или сопровождалась захоронениями коней, или находились на основной меридиональной линии с основным погребением в кургане, или они были ритуально нарушены в ходе выполнения постпогребальных обрядов. Наиболее показательным является погребение пожилой женщины из Мелитопольского кургана.

В традиционных кочевых обществах, особенно не подвергшихся мусульманской религии, было принято с древних времен, что женщина получала равные мужчинам права после достижения ею преклонного возраста или определенного этапа жизненного цикла.

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Волго-Манычские степи на перекрестке цивилизаций» (№ госрегистрации: АААА-А17-117030910094-3).

Ключевые слова: скифы, царские погребения, калмыки, гендерные трансформации, кочевники, постпогребальные обряды, эмансипация

Abstract. According to archaeological data, the social status of Scythian women was lower than that of men. Still, due to some contradictory evidence obtained from a number of female burials the revealed subordinate position of the woman in Scythian society cannot be recognized as a final conclusion. Those include mound burials that are similar enough in terms of prestige to those of men by a number of criteria, namely: those are central or accompanied by horse graves, or are situated along the same meridian line as the central tomb; and they were even disturbed in the same manner during post-burial rituals. The most characteristic female burial of the type is that of the Melitopol' kurgan, the former was aligned with that of a male, has additional large-scale earthwork and reveals traces of a post-burial ritual disturbance.

It is noteworthy that in traditional nomadic cultures — especially those unaffected by Muslim religious ideas — women were recognized equal to men upon reaching advanced years or a particular life-cycle stage since the earliest times.

Keywords: Scythians, royal graves, Kalmyks, gender transformations, nomads, kurgans, post-burial rites, emancipation

Скифы — древние кочевники восточноевропейских степей. Сведения о них содержатся в IV книге «отца истории» — Геродота. Археологические памятники скифов представлены тысячами курганов в степях Северного Причерноморья. Наиболее известны «царские курганы» — монументальные сооружения с огромным количеством золотых предметов, многие из которых являются шедеврами ювелирного искусства [Artamonov 1970; Gold der Steppe 1991; Gold der Skythen 1993; Scythian Gold 1999].

Изучение планиграфии скифских курганов привело к пониманию, что все составляющие погребального сооружения находятся в соподчинении друг другу и подчиненности общей идее [Очир-Горяева 2012; Ochir-Goryaeva 2015]. Ее определяли система, с одной стороны, ориентации по сторонам света, пространственные представления о мире живых и мертвых, а с другой — семейно-родовая и социальная иерархия скифского общества.

В данной статье результаты планиграфического анализа курганов были использованы для выявления особенностей, отражающих систему социальной иерархии по половой принадлежности скифов степей Северного Причерноморья.

Планиграфический анализ базируется на изучении всех компонентов курганный насыпи, таких как околочурганне рвы, валы, перемычки, подземные ходы, каменные крепида и т. д., а также все погребения кургана, включая центральное, впускные, конские могилы, могилы конюхов, сопровождающих лиц и слуг. Такие сложные структуры насыпи, а также погребения различных категорий содержат только большие курганы скифской знати и царей. Именно поэтому они оказались основными объектами и источниками для предпринятого анализа.

Для исследования положения скифской женщины в семейно-родовом и социальном окружении были выбраны погребения, в которых достоверно установлен пол погребенного. Исходным пунктом послужили данные, опубликованные Б. Н. Мозолевским [Мозолевский 1979: 151, табл. 2].

По итогам были составлены две таблицы с данными о погребении (основное — впускное), глубине гробниц и наличии захоронений верховых коней. В одной из них представлены 22 достоверно установленных мужских погребения, в которых в целом было погребено 85 коней, т. е. 4,5 коня в среднем на каждого (табл. 1). В этих курганах кони сопровождали центральное погребение, были помещены в специальные конские могилы и снабжены золотыми уздечными наборами. В *Толстой Могиле* и в *Чертотмыке* коней сопровождали захоронения конюхов.

В другой представлены данные по 11 достоверно установленным женским погребениям, в которых были захоронены только 6 коней (табл. 2). В среднем получается 0,5 коня на каждую погребенную. При этом, как предполагают авторы раскопок, в кургане *Огуз* во входной яме бокового северного погребения были погребены не верховые лошади, а запряженные в повозку, остатки которой были найдены в той же могиле. В таком случае верховых коней в женских погребениях становится на три меньше, тогда получается 0,25 коня в среднем на каждую погребенную.

Таким образом, согласно скифской погребальной традиции, конские сопровождающие захоронения совершались преимущественно при погребении мужчины (рис. 1). Конечно, было бы лучше использовать более многочисленную выборку, но, к сожалению, состояние источников не позволяет этого сделать. Очень

большой процент скифских погребений нарушены так, что от останков погребенных остались только отдельные кости или их фрагменты. Кроме того, скифские курганы были семейными усыпальницами, и поэтому в одной катакомбе зачастую были погребены несколько персон и довольно редко — один человек. Поэтому так редко в чистом виде женские или мужские погребения.

Такую же существенную разницу показывает соотношение центральных и боковых могил. Среди мужских погребений преобладают центральные погребения, боковыми были только 2 погребения из 23, что составляет 8,6 % от общего числа. Среди женских погребений, наоборот, преобладают боковые погребения. Они составляют 54,5 % от общего числа. При этом из пяти центральных три погребения были с подхоронением мужчины.

Глубина могил также сильно различается. Средняя глубина мужских погребений — 7,69 м, а женских — 5,5 м, т. е. мужские погребения, как правило, были глубже женских (табл. 3–4). Наглядно это можно представить в виде графика. Как показывает график, разница средних показателей глубин мужских и женских погребений достигает 2 м. Самая глубокая мужская могила почти на 4 м глубже самой глубокой женской (рис. 2).

Судя по распределению среди мужских и женских погребений трех перечисленных выше показателей (наличие сопровождающих коней, центральность погребения и глубина могилы), все эти признаки были прямыми или косвенными показателями почетности, престижности, т. е. социального статуса представителей обоих полов. Известны одиночные основные мужские погребения скифской знати, подобные могиле из кургана *Страшная могила*, в которой был погребен знатный юноша. При этом в курганах знати отсутствуют погребения женщин, которые были бы единственными и основными. Было ли женское погребение первым или последующим, оно всегда связано с мужским [Ильинская, Тереножкин 1983: 124]. Также замечено, что женские погребения, как правило, не сопровождаются досыпками (достройками) насыпи кургана и поминальными тризнами [Мозолевский 1979: 148–172].

Получается, что социальный статус женщин в скифском обществе был на ступень ниже, чем у мужчин. Исходя из патриархальности скифского общества, можно полагать, что статус женщин

зависел от статуса мужа или отца. Поэтому в курганах знати женские погребения практически всегда сопровождали погребения своего супруга.

Другой аспект этой же проблемы заключается в следующем. Как показал анализ с курганов знати и царских скифских курганов, место могильной ямы на плане кургана также определялось в соответствии со статусом погребенного. В скифских царских курганах могильная яма царя всегда располагалась в центре, а могилы его родственников — на одной меридиональной линии с ним. Скифы хоронили умерших в положении на спине, головой на запад. При таком положении расположенные в один ряд могилы оказывались либо по левую руку царя (на севере), либо по правую руку царя (на юге).

Расположение в одном ряду справа и слева от царя было настолько престижно, что эти места были заняты исключительно мужскими погребениями. Иногда встречаются детские погребения на меридиональной линии: в Гаймановой могиле (погребение 3), в кургане 4 у Белозерского лимана (погребения 3, 4 и 6). Пол детей антропологически не определяется, но в контексте выявленных закономерностей детские погребения должны принадлежать мальчикам.

В кургане *Соболева могила* погребения молодого мужчины и подростка были расположены в северной стороне (по левую руку царя), а пожилого мужчины — в южной стороне (по правую руку царя). Почти все погребения на основной линии, в том числе детские и подростковые погребения, сопровождалась досыпками кургана, которые производились только для важных персон. Расположение в главном ряду, ритуальная нарушенность некоторых из этих погребений, а также досыпка кургана указывают на происхождение этих мальчиков и юношей из семьи главного погребенного или ближайших его родственников по мужской линии.

Женские погребения расположены не на главной линии, а в следующем ряду, чаще всего на северо-востоке, и реже — на юго-востоке. Видимо, места даже в следующем ряду различались по почетности по тому же принципу правой (южной) и левой (северной) руки (рис. 3а–б).

Женские погребения, как правило, не были нарушены в ходе проведения постпогребальных обрядов. Значит, женщины не имели при жизни статус, который должен был передаваться приемникам. По результатам специальных исследований, постпогребальные нарушения останков умерших проводились в ритуальных целях, в том числе для легитимации правящего статуса наследниками. Наследникам приходилось проникать в царскую могилу, разрушать останки умершего, освобождая и перенося на себя, таким образом, харизму правителя, а также выносить из могилы статусные регалии [Кузьмин 1991: 146–155; Савинов 1997: 107–111; Шульга 2003: 102–105; Очир-Горяева 2016: 113–128].

Именно благодаря социальной «неважности» женщин скифская археология располагает несколькими исключительно богатыми, совершенно нетронутыми женскими погребениями. Это, прежде всего, боковая женская могила из кургана *Толстая могила*, где была похоронена молодая женщина 30 лет с малолетним ребенком. Это единственное впускное погребение в этот курган. Несмотря на свободное пространство к северу и югу от основной могилы царя на главной линии, погребение молодой женщины с ребенком было устроено в менее престижной, западной половине кургана (рис. 3,с).

Могила молодой скифянки относится к одному из наиболее богатых царских захоронений скифов. На умершей, кроме нашивных бляшек, сохранились такие крупные золотые вещи, как шейная гривна (весом 478,5 гр), три пластинчатых браслета (74,65 гр), одиннадцать перстней (66,80 гр). Общий вес украшений слегка превышает 1 100 гр. Тем не менее молодая скифянка была погребена в непрестижной части кургана ее супруга-царя, после ее захоронения насыпь кургана не достраивалась, следов тризны также не обнаружено. Ритуальное посещение могилы и нарушение останков погребенной с целью получения ее жизненной силы и наследования ее социального статуса не проводились [Тереножкин, Мозолевский 1988: 161].

Вывод о подчиненном статусе скифянок не выглядит окончательным, потому что известны отдельные женские погребения, которые были основными в кургане или сопровождалась захоронениями коней, или находились на одной меридиональной линии

с центральной гробницей, и даже были нарушены исполнителями погребальных обрядов, т. е. указанные женские погребения ничем не отличались от престижных мужских погребений.

Среди царских курганов ярким примером служит погребение Мелитопольской «царицы» — дамы преклонного возраста 50–55 лет. Оно было совершено в северной части кургана, на одной меридиональной линии с центральным погребением мужчины, т. е. по левую руку, но все же в главном ряду (рис. 3,d). Погребение сопровождалось мощной досыпкой кургана и было нарушено. Форма катакомбной могилы Мелитопольской царицы с широким дромосом (длиной — 8 м, шириной — от 2,5 до 3,25 м, глубиной — 6 м) и округлой формы камерой (3,3x2,2 м, глубиной — 6,5 м), одинакова с конструкцией и размерами южного мужского погребения из царского кургана *Солоха*, сопровождавшегося мощной досыпкой насыпи кургана, тризной и захоронением пяти верховых коней.

Инвентарь Мелитопольской пожилой дамы вполне соответствовал ее почетному статусу. Несмотря на нарушенность погребения, в нем было найдено изделий из золота общим весом 1 600 гр. Но наиболее показательным является количество кухонно-столовой утвари и одиннадцати амфор с вином. Такие богатые хозяйственные отсеки были встречены в мужских погребениях наиболее крупных царских курганов: *Чертюмлык*, *Бердянский курган* и *Двугорбая могила*. Поза погребенной с широко расставленными ногами также находит аналогии в мужском южном погребении из *Соболевой могилы*. Это поза определяется как поза всадника, когда умершего везли к месту погребения на его верховом коне в седле. Такой обычай известен не только по этнографическим данным, но и зафиксирован на изображении золотого футляра из Сибирской коллекции Петра I, датируемого скифской эпохой [Очир-Горяева 2012; Очир-Горяева 2018: 68–73].

Как можно объяснить такое равное мужчинам положение отдельных женщин в скифском обществе? Как оказалось, в этом проявилась амбивалентность положения женщины у кочевников.

В традиционных кочевых культурах, особенно не затронутых мусульманской религией, с языческих времен сохранилось уравнивание в правах женщин на определенном этапе ее жизненного

цикла. Переход из одного цикла в другой сопровождался сменой традиционного платья и головного убора. У всех народов известно деление традиционного женского костюма на два вида: незамужней девушки и замужней женщины. Но не у всех народов сохранились сведения об особенностях в одежде старой женщины-бабушки. В этом плане могу привести пример из хорошо знакомой мне (родной) этнографии калмыков. У калмыков в жизни женщины четко выделяются три цикла: первый — девочка в семье родителей, второй — замужняя женщина в семье мужа, третий — основательница кровнородственной семьи.

Новое — это хорошо забытое старое. Нам кажется, что эмансипация женщин началась только в последние два столетия. На самом деле, во многих архаических (традиционных) культурах уравнение в правах женщин было частью ее жизненного цикла. Просто не везде сохранились сведения об этом интересном для темы статьи явлении. Рассмотрим подробнее указанные жизненные циклы.

Девочка — чистое существо, временный гость в доме родителей. Замуж выдавали девочек рано — в 12–14 лет, поэтому в родительском доме они считались гостями, которые в скором времени должны были покинуть родных навсегда. Эта посылка во всем определяла отношение к дочери. Девочек не загружали тяжелой работой, они больше занимались шитьем, вышивкой и т. д. По возможности старались их баловать, одевать красивее и богаче. Девушкам положено было заплетать волосы в одну косу и носить ее на спине. Цвет ткани для девичьего платья выбирался по возможности светлых оттенков, голубого или зеленого цвета. Если ткань была с рисунком, то он должен быть мелким и не ярким. Девушка как чистое существо не должна была возбуждать чувств формами и цветами. Таким образом всячески подчеркивалась духовность, чистота.

Когда девушка выходит замуж, согласно калмыцкой традиции, происходит кардинальная смена статуса. Она умирает в качестве девочки для своих родных. Поэтому, когда невесту выводят из ее родного дома, родители обязаны провести обряд «*даалһ авлһн*», который проводят при выносе покойника, чтобы «счастье, жизненная сила рода» не ушли вместе с уходящей. В семье мужа ей давали новое имя, переодевали в костюм замужней женщины, за-

меняли ее девичьи украшения на новые. На свадьбе проводили специальный обряд разделения косы. Отныне женщина должна была носить две косы. Считалось, что в правой косе замужней женщины была жизненная сила ее рода, а в левой косе — жизненная сила рода ее мужа.

Костюм замужней женщины был очень нарядным, он был весь расшит золотой и серебряной вышивкой. Цвет для платья (*терлг*) и верхней накидки (*цегдг*) выбирался ярких цветов, наиболее желательными были различные оттенки красного. Красный цвет должен был подчеркивать главную функцию замужней женщины — дарение новой жизни — рождение и выхаживание детей.

Статус замужней женщины подразумевал множество запретов и ограничений в поведении с родственниками мужа, с чужими. Например, ей не разрешалось в собственной юрте подходить к алтарю и брать с него подношения, садиться на мужской стороне в юрте, где было место для почетных гостей и старших родственников. Эти ограничения отражали, на мой взгляд, растянутый процесс включения «чужой» в круг кровных родственников, а также меры для предотвращения внебрачных связей молодой женщины.

Третий раз гендерная трансформация происходила, когда у калмычки рождался первый внук и завершался ее детородный возраст. Женщины преклонного возраста, имевшие внуков, не имели права носить праздничную женскую одежду в виде *терлг* и *цегдг*, богато украшенную вышивкой, а также украшать себя кольцами и серьгами с цветными камнями, или просто слишком нарядными. Они обязаны были сменить костюм замужней женщины на костюм старой женщины, который был по существу мужским. То же самое происходило и с головным убором, который сменялся на мужской из черного или серого каракуля с красной кисточкой.

Платье *берз*, лишенное украшений в виде вышивок, по крою было тем же мужским бешметом, только длинным до пят, и шилось из темно-синей или темно-коричневой однотонной ткани. Смена костюма подчеркивала завершение активной фазы жизни. Женщина становилась снова чистой в ритуальном смысле и поэтому пользовалась большим уважением и правами. В гостях ее так же, как стариков-мужчин, усаживали на почетное место, раскуривали ей трубку, прислушивались к ее советам. Имелись случаи,

когда пожилая мать управляла целым родственным кланом. Полагая, что этим признавались заслуги женщины как основательницы семьи, и, поскольку ее кровь текла в жилах всех ее детей и внуков, она была включена полностью в круг родственников-кровников.

Приведенный этнографический пример показывает, что аналогичной гендерной трансформацией можно объяснить исключительный статус пожилых скифянок, не уступающий позиции мужчин-правителей. Различия в обряде погребения двух женщин — тридцатилетней из кургана *Толстая могила* и пятидесяти-пятилетней из Мелитопольского кургана — можно объяснить их принадлежностью к различным возрастным группам.

Литература

- Ильинская, Тереножкин 1983 — *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1983. 379 с.
- Кузьмин 1991 — *Кузьмин Н. Ю.* Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб.: Гос. музей истории религии, 1991. С. 146–155.
- Мозолевский 1979 — *Мозолевский Б. М.* Товста Могила. Київ: Наукова думка, 1979. 213 с.
- Мозолевский, Полин 2005 — *Мозолевский Б. М., Полин С. В.* Курганы скифского Герроса IV в до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы) Киев: Стилос, 2005. 599 с.
- Очир-Горяева 2012 — *Очир-Горяева М. А.* Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 470 с.
- Очир-Горяева 2016 — *Очир-Горяева М. А.* Следы постпогребальных обрядов в курганах скифской эпохи степей Евразии // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды ИИМК РАН. Т. 46. СПб.: ИИМК РАН; Невск. кн. тип., 2016 С. 113–128.
- Очир-Горяева 2018 — *Очир-Горяева М. А.* Процессия всадников на золотом футляре из коллекции Петра I // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 4. С. 68–73.
- Плешивенко 1991 — *Плешивенко А. Г.* Скифский курган у Белозерского лимана // Курганы степной Скифии. Киев: Наукова думка, 1991. С. 53–72.
- Савинов 1996 — *Савинов Д. Г.* Об обряде погребения больших Пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: [б. и.], 1996. С. 107–111.
- Тереножкин, Мозолевский 1988 — *Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н.* Мелитопольский курган. Киев: Наукова думка, 1988. 264 с.
- Шульга 2003 — *Шульга П. И.* Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: АлтГУ, 2003. 203 с.

- Artamonov 1970 — *Artamonov M.* Goldschatz der Skythen in der Ermitage. Prague: Artia, 1970. 341 p.
- Gold der Steppe 1991 — Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Neumünster: Karl Wachholtz, 1991. 423 p.
- Gold der Skythen 1993 — Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg. Neumünster: Karl Wachholtz, 1993. 262 p.
- Scythian Gold 1999 — Scythian Gold. The treasures from ancient Ukraine. New York: Abrams Inc., 1999. 352 p.
- Ochir-Goryaeva 2015 — *Ochir-Goryaeva M.* The Scythian Tombs: Construction and Geographical Orientation. *The European Journal of Archaeology*. 2015. Is. 18.3. Pp. 477–496.

References

- Artamonov M. Scythian gold treasures of the Hermitage Museum. Prague: Artia, 1970. 341 p. (In Germ.)
- Gold of Steppes: archaeology of Ukraine. Neumünster: Karl Wachholtz, 1991. 423 p. (In Germ.)
- Gold of the Scythians: treasures of the State Hermitage, St. Petersburg. Neumünster: Karl Wachholtz, 1993. 262 p. (In Germ.)
- Ilyinskaya V. A., Terenozhkin A. I. Scythia: 7th–4th cc. BC. Kiev: Naukova Dumka, 1983. 379 p. (In Russ.)
- Kuzmin N. Y. A robbing or a ritual? *Rekonstruktsiya drevnikh verovanii: is-tochniki, metod, tsel.* Chrshanovsky V. A. (ed.). St. Petersburg: History of religion Museum, 1991. Pp. 146–155. (In Russ.)
- Mozolewski B. M. Tolstaya Mogila. Kiev: Naukova Dumka. 1979. 213 p. (In Ukr.)
- Mozolevskii B. M., Polin S.V. Mounds of the Scythian Gerros: 4th c. BC (Babina, Vodyana and Soboleva burials). Kiev: Stilos, 2005. 599 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Ancient horse-riders of Eurasian steppes. Moscow: Taus, 2012. 470 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. The Scythian Tombs: Construction and Geographical Orientation. *The European Journal of Archaeology*. 2015. Is. 18.3. Pp. 477–496. (In Eng.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Postburial rites of Eurasian nomads in the Scythian epoch. *Drevniye nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nyye ritualy, simvolicheskiye zakhoroneniya i ogrableniya / Trudy IIMK RAN*. Vol. 46. St. Petersburg: Inst. of Material Culture History of RAS, 2016. Pp. 113–129. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. A cavalcade of riders depicted on the gold box from Peter the Great's collection. *Archeologiya, etnografiya i antropologiya Evrasii*. 2018. No. 4. Pp. 68–73. (In Russ.)
- Pleshivenko A. G. A Scythian mound near the Belozersky Liman. *Kurgany stepnoi Skifii*. Boltrik Y. V., Bunyatyan E. P. (eds.). Kiev: Naukova Dumka, 1991. Pp. 52–72. (In Russ.)

- Savinov D. G. The great Pazyryk mounds: burial rites revisited. *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuy epochu*. Alekseev A. Y. et al. (eds.). St. Petersburg, 1996. Pp. 107–111. (In Russ.)
- Terenozkin A. I., Mozolewski B. N. The Mound of Melitopol. Kiev: Naukova Dumka, 1988. 264 p. (In Russ.)
- Scythian Gold. The treasures from ancient Ukraine. New York: Abrams Inc., 1999. 352 p. (In Eng.)
- Shulga P. Lokot-4a: a burial site of the Scythian era. Barnaul: Altaian State Univ., 2003. 203 p. (In Russ.)

Таблица 1. Погребения мужчин по: [Мозолевский 1979: 151, табл. 2]

N	Курган	Погребение	Глубина (м)	Кони	Конюхи
1	Каменная могила	основное	13,0	?	—
2	Мелитопольский	основное	12,5	2	—
3	Чертомлык	основное	12,2	11	2
4	Чмырева могила	основное	12,0	10	—
5	Козел	основное	9,6	11	2?
6	Большая Цымбалка	основное	8,5	6	—
7	Толстая могила	основное	8,5	6	3
8	Лемешев курган	основное	8,6	3	—
9	Мордвиновский 1	основное	8,3	-	—
10	Гайманова могила	основное	8,0	1	1
11	Желтокаменка	основное	7,5	2	—
12	Страшная могила	впускное	6,9	1	—
13	Гайманова могила	впускное	6,8	1	
14	Верхний Рогачик	впускное	6,7		
15	Братолюбовский	основное, дромос	6,7	2	
16	Александрополь	основное, дромос	5,7	15	
17	Деев курган	основное	5,7	1	
18	Солоха-1	основное	4,0	2	
19	Солоха-2	насыпь 2, основное	5,4	5	1
20	Краснокутский		5,3	4	
21	Малая Лепетиха		5,3	—	—
22	Мордвиновский-2	основное	4,5	1	—
Всего:		20 — основное, 3 — впускное	Всего — 7,07 м	85 коней	6 конюхов

Таблица. 2. Погребения женщин по: [Мозолевский 1979: 151, табл. 3]

N	Курган	Погребение	Глубина (м)	Кони	Конюхи
1	Гайманова могила	впускное, северное	8,0		
2	Желтокаменка	основное, с подхоронением мужа	7,5	—	
3	Мелитопольский	насыпь 2, основное	7,0		
4	Верхний Рогачик	основное	6,7	—	
5	Толстая могила	впускное	6,2		—
6	Александрополь	основное с подхоронением мужа	5,9	1	
7	Мордвиновский	впускное	4,6	1	
8	Гайманова могила	впускное, боковое	4,0	—	
9	Малая Лепетиха	впускное	3,9	—	
10*	Огуз	впускное	5,55	— (3)	
11*	Братолюбовский	основное с подхоронением мужа	6,7	1	
Всего:		5 — основное (3 — с подхоронением мужа), 6 — впускное	Всего — 5,5м	3 или (5)	

* — добавлено М. А. Очир-Горяевой

Рис. 1. Количество коней. Соотношение мужских и женских погребений (по: табл. 1–2)

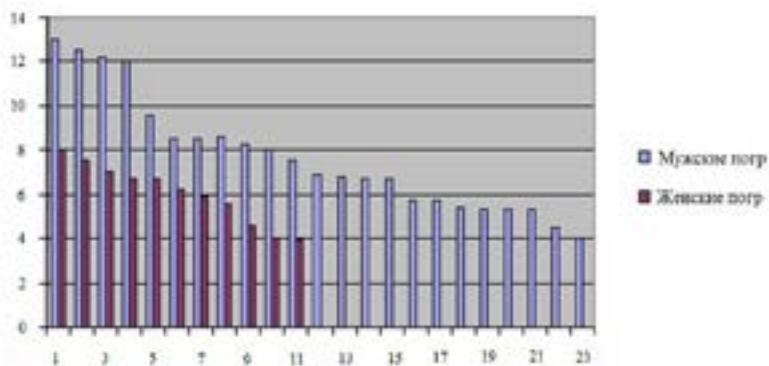

Рис. 2. Глубина могил. Соотношение мужских и женских погребений (по: табл. 1–2)

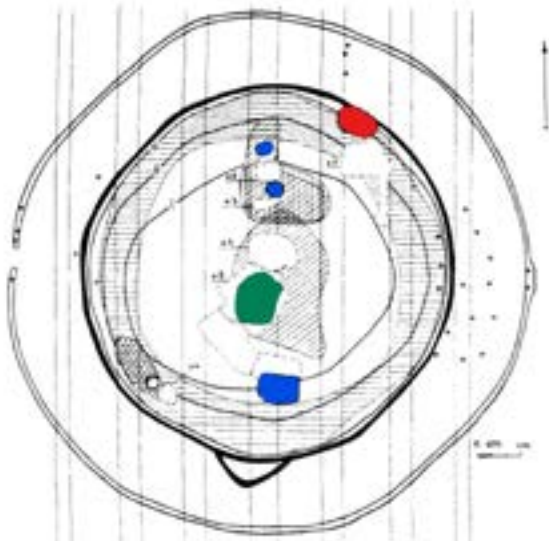

Рис. 3 а. Расположение погребений на плане кургана.
Курган 4 у Белозерского лимана [Плешивенко 1991: 54]
Голубым отмечены мужские погребения, зеленым — семейные,
красным — женские погребения

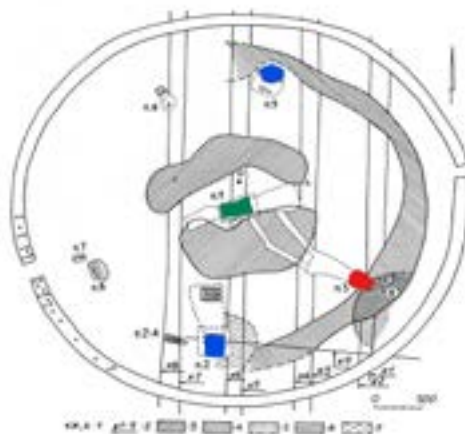

Рис. 3 б. Расположение погребений на плане кургана.
Соболева могила [Мозолевский, Полин 2005: 154]
Голубым отмечены мужские погребения, зеленым — семейные,
красным — женские погребения

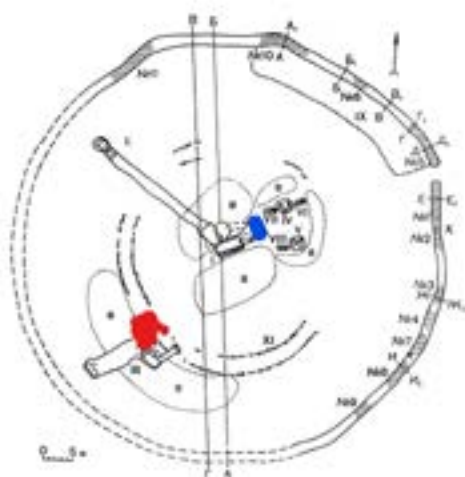

Рис. 3 с. Расположение погребений на плане кургана.
Толстая могила [Мозолевский 1979: 46]
Голубым отмечены мужские погребения, зеленым — семейные,
красным — женские погребения

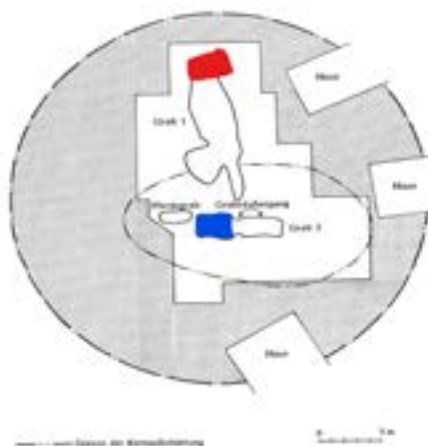

Рис. 3 d. Расположение погребений на плане кургана.
Мелитопольский курган [Тереножкин, Мозолевский: 1988: 12]
Голубым отмечены мужские погребения, зеленым — семейные,
красным — женские погребения